

домахъ и т. п. Далѣе, если иностранные обычаи брали силу (какъ думаютъ, незаконную) надъ старымъ русскимъ обычаемъ, значитъ, послѣдній самъ не имѣлъ достаточной внутренней силы и не могъ удовлетворить тѣмъ потребностямъ знанія и общест-венности, какія являлись съ реформой. Мало обращали вниманія и на другое обстоятельство, — что если было (и иногда дѣйстви-тельно было) зло и темныя стороны въ заимствованномъ инозем-номъ обычаѣ, и однако обличеніе оставалось, какъ это извѣстно, недѣйствительнымъ, то вѣроятно былъ какой-нибудь недостатокъ или ошибка въ самомъ обличеніи: или оно направляемо было не-вѣрно, не на дѣйствительную причину зла, или выставляло вза-мѣнъ обличаемаго что-нибудь еще болѣе слабое и странное. Та-кими недостатками, за немногими исключеніями, дѣйствительно и отличалась морализирующая сатира прошлаго вѣка; тамъ, гдѣ она покушалась сказать правду, указать дѣйствительное зло, ей зажи-мали ротъ, — какъ Новикову и Радищеву, а также и фонъ-Ви-зину. Позднѣе, полемика противъ «галломаніи» сводилась болѣ-шею частью на пустословіе, или на лицемѣріе, а иной разъ была и просто смѣшна, какъ напр. полемическія писанія Шипкова.

Ближайшее изученіе XVIII вѣка указываетъ также настоя-щіе размѣры той «оторванности отъ народныхъ началъ», какая приписывается нововведеніямъ Петра. Первые преемники Петра не въ силахъ были достойнымъ образомъ продолжать его дѣло; оно держалось только силой инерціи: еслибы, дѣйствительно, оно было такимъ нарушеніемъ національной сущности, какъ объ-этомъ твердятъ, то въ этихъ условіяхъ неизбежна была бы реак-ція — національная старина, освободившись отъ гнета личности преобразователя, должна была бы воспрянуть снова, заявить свое историческое право, удалить чужеземщину, внесенную въ жизнь рукой «произвола». Если когда-нибудь, то именно въ полустолѣтіе отъ смерти Петра до водаренія Екатерины II могла бы совершиться старо-московская реставрація; но она не совер-шилась. Во-первыхъ, слишкомъ ясно было, что все основное въ реформѣ было настоятельно нужно; во-вторыхъ, если было въ ней что-нибудь поспѣшно насаждаемое, или излишнее, или очень отзывавшееся иноземнымъ, то для переработки этого требовалось время и большая степень сознанія и въ обществѣ, и въ самой правительственной сферѣ; а вещи второстепенныя безъ особен-ныхъ заботъ отпадали. Въмѣсто реакціи мы наблюдаемъ въ тог-дашней правительственной и общественной жизни совершенно обратное: она весьма легко воспринимала реформу; какъ прави-